

То, что по четвертому правилу женщина не может покупать конфету «Золотой ангел», было верным правилом. Будучи кассиром, он, разумеется, должен был соблюдать правила и не мог продать конфету «Золотой ангел» ей.

— Здравствуйте, сударыня, в нашем магазине есть правило: конфету «Золотой ангел» нельзя продавать вам, — с вежливой улыбкой произнес Жуань Вэньцы, мысленно готовясь к тому, что клиентка начнет чинить препятствия.

— Почему? Если вы выставили ее на полку, значит, собираетесь продавать! Почему же не продаете мне?! Вы что, занимаетесь дискриминацией? Смотрите, как бы я не пожаловалась на вас!

Как и ожидалось, женщина в белом платье обладала потрясающей боевой выносливостью — едва открыв рот, она сразу же перевела разговор в русло дискриминации.

Жуань Вэньцы ответил:

— Прошу прощения, сударыня, я вовсе не занимаюсь дискриминацией. Конфета «Золотой ангел» — это особый продукт нашего магазина, и ее могут приобрести только те, кто соответствует условиям, установленным управляющим.

Хотя Жуань Вэньцы и не знал, почему женщине нельзя покупать конфету «Золотой ангел», сейчас оставалось лишь попытаться отбить у нее желание совершить покупку. Однако, раз уж она ради этой конфеты даже побежала искать ребенка, просто так она отступить не собиралась.

Видя, что дело идет к скандалу, Жуань Вэньцы смутно заметил, как над головой женщины в белом платье появились две длинные белые полосы, но присмотревшись внимательнее, он ничего не увидел — казалось, ему просто померещилось.

— Сударыня, давайте сделаем так: стоящий рядом с вами мальчик как раз соответствует требованиям управляющего. Почему бы вам не дать ему денег, чтобы он купил конфету «Золотой ангел», а уже за пределами магазина он передаст ее вам?

Жуань Вэньцы предложил компромиссный вариант. Женщина в белом платье бросила взгляд на молча стоявшего рядом мальчишку и кивнула, скрепя сердце согласившись с этим способом.

Жуань Вэньцы провел штрихкод сканером и протянул конфету «Золотой ангел» мальчику. Поскольку тому еще не исполнилось пятнадцати лет, товар шел за полцены. Конфета «Золотой ангел» стоила дорого — сто шестьдесят, а со скидкой наполоам — восемьдесят. Даже по сниженной цене она в десять раз превосходила стоимость любых других сладостей. Выглядела конфета роскошно: леденец плавился, превращаясь в искусно вылепленную фигурку человечка, чьи волосы, черты лица и одежду мастера прорисовывали разноцветным сиропом, а за спиной трепетали тончайшие, словно крылья цикады, крылышки, готовые в любой момент взмыться в воздух. Однако Жуань Вэньцы считал, что никогда в жизни не потратит столько денег на какую-то красивую конфету.

Но женщина в белом платье непременно хотела её купить. Она была покупательницей, а Жуань Вэньцы — кассиром, и он был готов отдать что угодно, лишь бы она набрала побольше таких сладостей, так что отговаривать её он, конечно же, не собирался!

Маленький мальчик стоял позади женщины в белом платье с остекленевшим взглядом. Она то и дело таскала его за собой, а он даже не реагировал. Жуань Вэньцы уже подумал, что пацан страдает аутизмом.

Но едва он протянул конфету ребёнку, как тот с молниеносной быстротой запихнул её в рот прямо в обёртке, отчаянно захрустел и проглотил.

Погоди-ка, братец, ты что, и пластик жрёшь?

Жуань Вэньцы остолбенел. В его голове пронеслись мысли: не отравится ли человек от пластика и вообще, разве кто-то способен есть полиэтиленовые пакеты?

Заметив, как у женщины в белом платье бешено задергались уши, а сама она набросилась на мальчика, принявшись молотить его кулаками и визжать, Жуань Вэньцы сообразил: они же не люди, так что от пластика не потравятся.

— Прекратите! Прекратите! Хватит драться!

Хм? Кажется, он не то крикнул?

Поскольку покидать кассу ему было нельзя, Жуань Вэньцы без промедления нажал кнопку тревоги. Раз уж ситуация вышла из-под его контроля, лучше доверить её охране.

Стоило нажать кнопку, как к ним стремглав примчались двое охранников и растащили женщину в белом платье и мальчика.

На самом мальчике не было ни царапины, а на лице по-прежнему застыло равнодушное выражение, словно истеричные крики и брань женщины его вовсе не касались.

Жуань Вэньцы разглядел подрагивающие на макушке женщины ушки — белые, мягкие, длинные. Они выглядели так нежно, что их так и хотелось погладить. То ли от природы, то ли в порыве гнева её глаза покраснели, заставляя вспомнить кролика.

Окажись здесь какой-нибудь любитель фурри, он бы наверняка завизжал: «Я хочу их потрогать! Хочу потрогать!» Но Жуань Вэньцы был совсем не таков: он лишь бросил на неё пару беглых взглядов и отвёл глаза.

Женщина в белом платье, судя по всему, навевалась сюда регулярно и устраивала беспорядки. Охрана со злостью обрушила на её спину удары резиновых дубинок, гневно выкрикивая: Опять ты! Веди себя тихо!

Получив удар, женщина немного успокоилась — по крайней мере, перестала бесноваться,

однако продолжала свирепо смотреть на маленького мальчика.

Мальчик же на женщину даже не взглянул. Дождавшись, пока охрана уведёт её, он серьезно произнес, обращаясь к Жуань Вэньцы: Я видел твой хвост. Ты должен съесть конфету, пока хвост не показался наружу.

Хвост?

Жуань Вэньцы машинально шатнул рукой за спиной — ничего там не было. Но выражение лица у мальчика было предельно серьёзным, он упрямо смотрел на Жуань Вэньцы, и только когда тот поблагодарил его, мальчик наконец ушел.

Правда, спустя совсем немного времени Жуань Вэньцы заметил, как мальчик присел на корточки и тайком проскользнул внутрь, прижимаясь к кассовой стойке. Жуань Вэньцы не стал вмешиваться: магазин не его, захотел — зашёл, а если что-то случится, можно просто свалить всё на охрану.

Вспомнив, как меньше чем за минуту охрана увела женщину в белом платье, Жуань Вэньцы подумал, что действуют они на редкость оперативно. Если в дальнейшем ему попадутся назойливые клиенты, он просто будет сдавать их всех на попечение охраны.

Мальчик был весьма необычным. Жуань Вэньцы заметил, что, попав в магазин, тот даже не смотрел на полки со сладостями — очевидно, к конфетам он был абсолютно равнодушен. Вместо этого он озирался по сторонам и время от времени дёргал кого-нибудь за одежду, пытаясь заговорить.

Однако терпением окружающие не отличались: стоило мальчику произнести пару слов, как его тут же отталкивали.

Но мальчик вовсе не сердился на это — он просто отряхивал пыль с подола и отправлялся на поиски следующего человека.

К полудню в магазине начался настоящий наплыв покупателей — толпа школьников хлынула внутрь.

Детский гадёж и крики заполнили весь магазин. Жуань Вэньцы взглянул на часы: одиннадцать пятьдесят одна. До конца смены оставалось всего девять минут.

Но упускать выручку не стоило, поэтому Жуань Вэньцы сначала проводил всех ребятишек и только потом завершил работу.

Даже после окончания смены Жуань Вэньцы не покинул кассу. Хотя в правилении под номером четырнадцать говорилось лишь о том, что во время рабочего времени нельзя

отлучаться от кассовой стойки, Жуань Вэньцы твердо решил никуда не уходить и в нерабочее время.

Утром он видел, как тот самый дрожащий охранник подошёл к нему и протянул коробку с обедом: два мясных блюда и одно овощное. Жуань Вэньцы взял её, но есть не стал.

Форма у охраны была серой. В правилении под номером семь говорилось, что еду приносят люди в жёлтой одежде, а еду от тех, кто носит красное, есть нельзя — про людей в сером там не было ни слова.

Ради безопасности всё, о чём не упоминалось в правилах, автоматически приравнивалось к несъедобному.

Жуань Вэньцы поблагодарил Сян Цисина, помахал ему рукой и сказал: Ничего страшного, действую строго по правилам.

Раньше это были лишь догадки, но эта фраза практически напрямую указывала на его статус испытателя. Жуань Вэньцы приподнял бровь, но отвечать не стал.

Сян Цисин произнес: Я состою в клубе «Желаю дожить до седин вместе». Изначально мы договорились войти в подземелье вместе с друзьями, но произошла накладка, и теперь никого из остальных я не знаю. Может, объединимся? Будем прикрывать друг друга.

Если случается что-то странное, жди беды. Жуань Вэньцы не стал давать согласие сходу, к тому же само название этого клуба... звучало куда менее надёжно, чем «Я здесь самый красивый».

У него самого не было ничего ценного, чем кто-то мог бы поживиться, а убить его — никакого снаряжения с него не выпадет. Если только человек не психопат, выжить в подземелье и так непросто — кто в здравом уме станет без причины наживать врагов и убивать налево и направо?

В конце концов, всё происходящее в подземелье транслируется в прямом эфире, и за убийство человека обязательно поймают.

Зачем же тогда Сян Цисин привязался к нему? Неужели его прельстили его нежное личико и хрупкое тело?